

Елена Сизгал

Капли дождя
на солнечном
снегу

Повестъ

Елена Сигал

**Капли дождя на солнечном
снегу. Повесть**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18977754
ISBN 9785447489076*

Аннотация

Мне тяжело далась эта история, поскольку она раскрывает внутренний мир ребёнка, пострадавшего от насилия. Став взрослым, он убивает других. Но без этой трагедии не случилось бы любви. Пройдя через все трудности, наши герои обретут свой счастливый мир.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

**Капли дождя
на солнечном снегу
Повесть
Елена Сигал**

© Елена Сигал, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Ему снова снился тот же сон. Гул самолётов, огромное, залитое огнями, здание аэропорта. Удаляющаяся фигурка матери. Он кричит, срывается с места, пытается бежать за матерью, но спотыкается и падает куда-то в пропасть. Чьи-то тёплые руки подхватывают его...

Он снова проснулся за полминуты до звонка будильника. Многолетняя привычка сработала. Крякнул, скинул с себя недовольно ворчащего Тимофея – наглого рыжего кота, встал, и пошёл, переваливаясь, на кухню – ставить чайник.

Он хромал с детства. Точнее, с рождения – родовая травма. Они жили втроём: бабушка, мама и маленький Матвей. Ему нравилось вечерами сидеть перед телевизором между двумя любимыми женщинами. Было тепло и уютно. Так они жили пять лет, а потом мама уехала, и больше уже он никогда её не увидел. С того дня холод прочно поселился в нём, а сон непрестанно возвращал его в тот день, когда он в последний раз бежал за матерью.

Он привык к этому сну. Привык просыпаться за полминуты до звонка будильника. Привык каждое утро ставить чайник, и ровно в девять тридцать уходить на работу три раза в неделю: в понедельник, четверг и пятницу. В остальные дни он просыпался в то же время, ни разу не позволив се-

бе поспать дольше. Режим. Когда твоя жизнь распланирована, нет возможности себя жалеть, и думать, что жизнь должна протекать в другом русле. Это для тех, других – здоровых. Они сходятся, расходятся, рожают детей, сколачивают капитал. А он – хромой. В его жизни появлялись женщины, но они вносили в его размеренную жизнь дискомфорт, нарушали его режим, начинали жалеть, руководить, менять его причёску и стиль одежды – все по-разному, каждая на что-то была способна, что разрушало его надежду на спокойную совместную жизнь. Он каждый раз одинаково уставал, затем уходил. Жизнь возвращалась в своё русло, и после каждого разрыва он сидел на своей кухне, попивая вечерний чай, довольно жмурясь, как сытый кот Тимофей.

Единственными созданиями, которым он всё позволял, были дети – его ученики. Три раза в неделю, в понедельник, четверг и пятницу, он отправлялся в школу, к третьему уроку. Он работал учителем рисования. Предмет был из «необязательных», но он видел, чувствовал, что нужен своим ученикам. В пытливых детских глазах был его мир, смысл всей его жизни. Была ещё Тайна, скрытая от всех проходящих в его дом, но Тайна была нужна только ему, а нужна ли она ещё кому-то, он не знал. Вот здесь, в школе, он чувствовал себя нужным. Он был с учениками другом, хотя коллеги его укоряли, утверждали, что при таком подходе дети «сядут на шею». Но не умел он иначе, да и учиться не хотел. Когда его маленькие друзья начинали шуметь, он слегка повышал

голос, и рассказывал Историю. Каждый раз это была новая, удивительная История. Дети замирали, внимая каждому его слову. Затем грохотал звонок, выводя всех из оцепенения, Матвей хитро прищурился, и в нескольких словах заканчивал свою Историю.

Чайник вскипел. Матвей сварил кофе, открыл холодильник, прикидывая, с чем бы сделать сегодня бутерброд. У дверцы тут же материализовался Тимофей, с интересом высматривая что-нибудь вкусненькое. В отличие от кота Матвей не вдохновился содержимым, хотя выбор был – есть не хотелось. Кот, напротив, был сильно заинтересован и коротко мявкнул: давай, мол, хозяин, чего размышлять.

– Э, нет, приятель! – отозвался Матвей, – Это – еда человечья! Тебе полагается спецпитание!

Кот обиженно дёрнул хвостом, и гордо удалился из кухни.

Матвей проводил его ироничным взглядом, и, примостившись у окна с чашкой кофе, закурил, глядя в окно. Напротив – антикварный магазин. Через три минуты появится Она – хозяйка магазина. Матвей давно уже наблюдает за ней: девушка-мечта. Две минуты. Когда она проходит по улице, у мужчин загораются глаза, женщины с завистью смотрят вслед. Минута. Вчера выпал снег. Как она будет выглядеть сегодня?

Чёрный БМВ с тонированными стёклами ввинтился на парковку рядом с магазином, вспугнув какой-то дрях-

лый шедевр автопрома. Матвей затаил дыхание. Она вышла из машины: высокая, спокойная, в короткой меховой курточке, обтягивающих брюках и в сапогах на шпильке. Светлые выющиеся волосы, синие глаза. Матвей с досадой вздохнул:

– Вот дурак! Что ты каждый раз пялишься на неё как идиот? Вы – птицы разного полёта, параллельные прямые, которые никогда не пересекаются! Пора признать и принять, что она не для тебя! Она – для тех, кто ездит на машинах, стоимостью в твою квартиру. Иногда её встречает какой-то щёголь. Муж? Такие девушки не остаются в одиночестве. Ты – хромой! Она даже не взглянет на тебя! А проявишь себя – отмахнётся, как от надоедливой мухи, и пойдёт дальше в свою радужную жизнь. Два разных мира никогда не соединятся. Как капли дождя на снегу. Так не бывает.

Невесёлые мысли прервал телефонный звонок. Из школы позвонили: карантин. Матвей расстроился: нарушился привычный режим, но в голову настойчиво ввинчивалась мысль: «капли дождя на снегу...». Он решительно поднялся и направился к своей Тайне.

Глава 2

Время пролетело, как глоток воздуха. Он взглянул на часы, и ринулся к окну: сейчас должна выйти Она. Обед. Она тоже точна, как часы.

В следующее мгновение случилось то, что он впоследствии вспоминал как страшную, нереальную картину:

Дверь магазина распахивается, Она направляется к машине уверенной походкой. Она вся похожа на натянутую пружину. У двери маячит охранник. Она коротко что-то говорит ему и роняет ключи в снег. Резко приседает, чтобы поднять ключи, и в этот момент раздаётся звук, как будто оторвали щепку. Парень-охранник с удивлением смотрит на своё плечо, на котором расплывается тёмное пятно, затем на девушку, и бросается на неё, прикрывая своим телом. Раздаётся второй звук, от которого звенит стекло, но почему-то не разбивается.

Матвей схватил куртку, и выскочил за дверь. Одним махом преодолев короткий лестничный пролёт, подбежал к Ней. Девушка сидела в снегу и растерянно смотрела на раненого охранника. Затем перевела взгляд на Матвея, который взволнованно повторял:

– С Вами всё в порядке?

– В порядке?! – её взгляд стал более осмысленным, – Если это, – она обвела рукой пространство, – в порядке... Скажи-

те, он жив? – последнее – об охраннике.

Сколько раз в кино он видел подобные сюжеты, и даже не предполагал, что никакой тревожащей музыки, никакого напряжения в действительности не происходит. Всё буднично. Тишина, и только будто время стало течь чуть медленнее.

Могильную тишину внезапно разорвал вой сирен. Началась суматоха, Матвей мимоходом успел заметить, что парня не накрыли с головой – краем мысли отметил: «жив значит». Его и девушку посадили в полицейскую машину и повезли в отделение.

Усталый следователь составил протокол, задал вопросы, на ходу уронив:

– Слава богу, на этот раз обошлось без трупов. Я вас вызову.

Когда они вдвоём оказались на улице, Она усмехнулась:

– Никогда ещё не знакомилась с мужчиной в отделении полиции. Матвей, я предлагаю исправить ситуацию. Давайте снова познакомимся! Дарья Владимировна Воронцова. Можно просто – Даша.

– А я просто – Матвей, – галантно представился он, неуклюже отставив правую ногу. Кажется, она не заметила его неловкости, или настолько была погружена в свои мысли?

Два квартала до места происшествия они прошли пешком. Матвей проводил Дашу до машины, но она внезапно остановилась, и растерянно произнесла:

– Я не могу вести машину. У меня ноги дрожат... и... ру-

ки...

Матвей растерялся. Во дворе стояли его старенькие «Жигули». Но в голове снова неотвязно завертелось: «параллельные прямые...» и «капли дождя...»

Даша оказалась более решительной:

– Не могли бы Вы проводить меня? Что-то мне неуютно одной ехать.

– Если Вас это не обидит, – нашёлся Матвей, – я мог бы Вас отвезти на своих «Жигулях».

– Обидит? – Она явно не понимала, о чём он её спрашивает. – Извините, я, наверное, отрываю Вас от дел? Сначала Вы выступили свидетелем, теперь я пристаю к Вам с просьбой.

Нет, она решительно не вязалась с образом той неприступной мечты! Матвей подавил в себе восторг от этой мысли, и спокойно, с улыбкой произнёс:

– Карета подана! Куда прикажете ехать?

Она назвала адрес, и вскоре они подъехали к ограде одного из элитных домов. Он уже был здесь однажды, когда приятель-дизайнер показывал ему оформленную им квартиру. «Представь только, – с завистью выдохнул приятель, – три штуки баксов за квадратный метр! Место для толчка стоит дороже, чем я получил за весь дизайн в этой квартире!». Матвей посмеялся только – ему исконно незнакомо было чувство зависти к богатству, а вот уважение и любознательность к успеху – были, хотя, признаться, чувствовал неловкость за себя, что не настолько умен и успешен. Но пути ино-

го для себя не знал.

Матвей припарковался, втиснувшись между «Хаммером» и внушительным «Линкольном», почувствовав себя крохотной букашкой среди титанов.

– Спасибо Вам, Матвей, – она уже взялась за ручку дверцы, бросила взгляд на дверь парадного, и отпрянула от окна.

Матвей, тем временем, заметил, что у входа развивалась любопытная сцена: сначала вышел мужчина, осмотрелся, затем заглянул внутрь, и следом вышла девушка.

Даша с неприязненным удивлением наблюдала эту сцену. Мужчина, в котором Матвей узнал того самого щёголя, встречавшего иногда Дашу, проводил девушку до дороги, поймал машину, расплатился, и вернулся в дом.

Матвей молча завёл мотор, и поехал к своему дому. Даша сидела рядом, притихшая. Матвей ощутил беспокойство: лучше бы она кричала, билась в истерике, но в ней будто стальная пружинка засела и повеяло ледяным холодом.

«Жигули» притормозили у подъезда. Матвей открыл Даше дверцу, и коротко бросил:

– Пойдём.

Даша послушно поплелась за ним.

Дома он проводил её в комнату, усадил на диван, достал бутылку «Хеннесси» – «родительское подношение» на «День учителя» в школе, налил немного в бокалы себе и Даше, вытащил из холодильника нарезку. Даша выпила бокал залпом, он налил ещё, потом сообразил, что с утра они оба ничего

не ели.

– Дашенька, я пойду, приготовлю нам что-нибудь поесть. Не скучайте, я скоро, – удалился на кухню.

Ничего более оригинального, чем омлет с сосисками, он не придумал. «Ну и ладно, – подумал он, – во всяком случае, быстро». Через десять минут нехитрый ужин был готов, и Матвей заглянул в комнату, чтобы предупредить гостью. Даша спала на диване, подложив под голову плюшевого пса. Матвей взял плед, и осторожно накрыл гостью. Коньяк, похоже, пришёлся кстати. Матвей присел рядом на кресло, размышляя, стоит ли убирать со стола. Взгляд упал на мобильник Даши.

«Вот это сделать стоит!»

Матвей взял мобильник, пощёлкал кнопками, выключая звук.

«На сегодня абонент недоступен. Оставлять сообщения не нужно»

Осторожно, стараясь не шуметь, налил себе ещё коньяка, присел в кресло.

Свет от уличного фонаря запутался в Дашиных волосах, разметавшихся по плюшевому псу. Её лицо в вечернем свете казалось ему ещё прекраснее.

«Надо же, как удивительно! Ещё утром она была недоступна, ты мечтал о ней, и вот – она рядом, спит на твоём диване, и ты можешь дотронуться до неё рукой»

Он внезапно устыдился своих мыслей и покраснел, будто

кто-то мог его услышать.

Дашино лицо вдруг озарилось светлой улыбкой во сне. Он удивился: такой тяжелый день был, столько событий, а она улыбается, и снится ей что-то хорошее! Похоже, светлый человек эта девушка Даша!

От коньяка ли, от мыслей своих, или от усталости, он заснул прямо в кресле, и снилось ему, что летит он на качелях вместе с мамой, а потом лицо мамы превратилось в лицо Даши, и он чувствовал щекой её волосы, в которых играл ветер, и прохладный запах её духов, как весенняя трава. И радость – бесконечная радость!

Глава 3

Он проснулся от лёгкого прикосновения ветерка. Открыл глаза и машинально посмотрел на часы. Он проспал! Что-то изменилось в этом мире. Что-то сдвинуло его с привычной орбиты, если он не завёл будильник с вечера, и проспал!

Матвей скосил глаза в сторону, и понял, что его разбудило. Точнее, кто. Кот сидел на спинке кресла, и укоризненно смотрел на хозяина, словно говоря: «Ты чего? Завтракать пора, а ты спишь!» Даша спала на диване, свернувшись калачиком. Матвей пошевелил затёкшей шеей, и, стараясь не шуметь, осторожно поднялся с кресла, но, видимо, почувствовав движение – женщины чутко спят – его гостья распахнула глаза, и... сонную безмятежность прорезала горькая складка воспоминаний прошедшего дня.

– Я разбудил Вас, – смущённо заметил Матвей. Он вдруг растерялся, и не знал, что сказать в следующую минуту. Он видел, в каком смятении она сейчас. Вчера. Это «вчера» никуда не денешь, и это им ещё придётся прожить и пережить. Он так и подумал: «им», потому что с первых же слов, сказанных ими друг другу, понял, почувствовал, что теперь несёт за неё ответственность. Слишком много было теперь вопросов. Кто стрелял в неё? Знает ли она, почему? И в неё ли стреляли?

Он вдруг разозлился на себя: «Чёрт возьми, куда ты вя-

зался?! А может, это просто бандитские разборки, и твоя прекрасная нимфа – лишь винтик в чьей-то нечистой игре?»

Чтобы скрыть злость, он прикрылся галантностью:

– Пойду, сварю кофе. Что Вы предпочитаете на завтрак? – и тут же прикусил язык. То, что она предпочитает, вряд ли найдётся в его в холодильнике.

Даша улыбнулась. Складка исчезла.

– Не беспокойтесь! Я с удовольствием выпью кофе. И тост с маслом. У Вас есть тосты?

– А..., – тьфу ты чёрт! Он чуть не спросил, не вредно ли это для фигуры! – Да, есть, конечно..., – и снова выругался про себя: что за дурацкие мысли лезут в голову!

– Мне нужно в душ, – робко попросила гостя.

– Конечно, там халат... Вы можете им воспользоваться, – Матвей поспешил убраться на кухню, чтобы скрыть смущение.

Через пару минут, когда кофе был готов, Даша вышла из ванной в его махровом халате, без тени косметики, и стала такой домашней и беззащитной, что Матвей едва не выронил джезvu, засмотревшись на такое преображение.

Даша будто не заметила реакции Матвея, весело присела к столу и, отхлебнув глоток кофе, зажмурилась от удовольствия:

– Как в лучших домах! Где Вы так научились варить кофе?

– Это одна замечательная женщина меня научила. Она была... как моя бабушка. Она умерла.

– Простите, Матвей... А кофе чудесный!

Глава 4

За глаза её все называли барыней. Гордая осанка, высокая причёска, всегда ухоженная до лоска – она и была похожа на барыню из девятнадцатого века.

Когда Анна Ивановна впервые узнала, как её называют в школе, она хохотала до слёз. Отсмеявшись, смахнув слёзы, она топнула ногой и весело заявила:

– А что? Барыня! Ведь, как есть – БАРЫНЯ!

Она умерла быстро и спокойно, во сне. Просто заснула и больше не проснулась. Готовилась ко сну, будто знала, что уходит: навела порядок, вымыла пол. Надела чистую сорочку, повесила на стул чёрное платье, положила на стол копию завещания.

Матвей запомнил тот последний день перед смертью Анны Ивановны, и последний с нею разговор:

– Ты, Матвей, живи так, чтобы не держать обиды на людей. Учись прощать сразу и бесповоротно. Ты не знаешь, какой тебе отпущен срок. Ты ответствен не только за свою жизнь, но и за уход из жизни.

Почему одни уходят быстро, а другие мучаются сами и мучают близких людей, вынужденных ухаживать за тяжело-больным? Не отпускает их Бог, пока они не простят, пока не поймут, что близкие люди к ним – со всей душой.

Не близким нашим в наказание даётся обязанность круглосуточно дежурить у нашей постели, а нам – чтобы мы поняли: они беспокоятся о нас, они всегда готовы прийти на помощь, отложив свои дела. Бог хочет, чтобы мы с благодарностью и прощением приняли их. Когда мы примем наших близких с благодарностью, когда простим всех, кто по нашему мнению, нас обидел, жизнь отпустит нас, и мы уйдём в другой мир, не обременённые долгами.

Тот человек, в душе которого нет обиды и злобы, в награду получает только лёгкий переход от жизни к смерти.

Когда умерла бабушка, Матвей оказался в детском доме. Пожилая заведующая, проводив Матвея за дверь, и посадив его на облезлый стул, чтобы ждал, осталась в кабинете с воспитательницей. Через приоткрытую дверь Матвей слышал обрывки разговора: «Мальчик... мать умерла при родах за границей... родственников нет... квартира служебная... забрали... инвалид....» Ничего он не понял из того разговора, но запомнил, и потом уже, став взрослым, понял, о чём говорили в тот день взрослые.

Анна Ивановна, воспитательница с тёплыми, но строгими глазами, в которых, казалось, притаилось по смешинке в каждом, заметила однажды, что Матвей имеет склонность к рисованию, и через год отвела его в специализированную художественную школу. При школе имелся интернат, и Матвей оказался в среде талантливых ребят, которые съезжались

сюда со всей страны. Анна Ивановна навещала его часто. Иногда они присаживались за стол в интернатской комнате для занятий, и часами говорили. Всё было в жизни Матвея – и разбитые стёкла, и расквашенные носы. Но ни разу Анна Ивановна не укорила его. Она просто рассказывала о людях, о характерах, и в её историях не было места злобе, агрессии. Там все жили дружно, потому что понимали и принимали людей такими, какие они есть. Матвей с интересом вслушивался в слова Анны Ивановны, и представлял себе тот идеальный мир, в котором люди живут дружно и понимают друг друга. Это была та сказка, в которой хотелось жить, и всеми силами мальчик стремился построить этот мир, хотя бы в самом себе.

Получив аттестат, Матвей легко поступил в художественный институт. Однажды, когда он ещё учился на первом курсе, Матвей заметил на остановке Анну Ивановну с огромным пакетом. Подбежал к ней, подхватил пакет, и рассердился:

– Анна Ивановна! Вам что, никто не помогает? Почему Вы таскаете сумки? – и замер, увидев растерянность в ответ, а после, собравшись, буркнул, – Показывайте дорогу! Донесу.

Так он оказался впервые в доме, ставшим ему впоследствии родным. Оказалось, что Анна Ивановна потеряла мужа и сына в автокатастрофе за год до того, как Матвей попал в детский дом. Женщина, прямой потомок русских аристократов из тех, что уцелели после революции, привыкшая

жить в достатке, среди красивых вещей, после гибели близких людей начала спиваться на глазах. И закончилась бы жизнь, но вмешалась цыганка, схватившая за руку, когда отчаявшаяся женщина шла из магазина с бутылкой дешевой водки. То ли отчаяние было в глазах, то ли цыганка попалась из порядочных, но не ради наживы, а от чистого сердца зашептала ворожея:

– Ты послушай меня! К детям иди! Всю боль с твоего сердца снимут, и сынок твой найдётся!

Отмахнулась. Сынок-то в могиле! А на следующий день, когда хмель прошел, увидела на водосточной трубе объявление: «Требуются воспитатели в детский дом».

Пришла к детям, и поняла: они тоже ОДНИ. ОДИНОКИЕ! Они тоже потеряли свою семью. Она стала их мамой, она жила их заботами, тревогами. Пока не появился этот хромой мальчик. Нет, он не был похож на сына! Он был другой. Хромой, несуразный, но – родной! Как она прикипела к нему – и не заметила. Но шла к нему, как за спасением, и однажды поняла: ИЗЛЕЧИЛАСЬ! Излечилась от горькой муки. От невозможной несправедливости жизни. Она нашла свой смысл, начавшийся с новой точки отсчёта! Это был удивительный, талантливый мальчик, с чуткой душой, и совершенно другим взглядом на жизнь, как будто смотревший на всё через повёрнутую призму, не так, как все, но видел всё ясным умом и в редком – чистом – ракурсе. Она говорила с ним часами, и узнавала жизнь по-новому. Они допол-

няли мысли друг друга, беседовали на равных, будто не было меж ними огромной разницы лет.

С того дня, как Матвей впервые пришёл в дом Анны Ивановны, они часто засиживались допоздна, и оба даже не заметили, как этот дом стал общим для них. Матвей стал сам покупать продукты, и больше не позволял Анне Ивановне самой ходить в магазин. Анна Ивановна вначале сопротивлялась – привыкла всё же одна, но Матвей как-то деликатно настоял на своём, и Анне Ивановне пришлось признать, что мужчина в доме – это, как минимум, удобно. Но это, если рассуждать с рациональной точки зрения. А вот с чисто человеческой – они стали одной семьёй: бабушка и внук.

Анна Ивановна, не ставя в известность Матвея, завещала ему всё имущество, и только после смерти своей названной бабушки Матвей узнал, что является наследником не только огромной квартиры, но и коллекции раритетных вещей, которыми владела Анна Ивановна.

Глава 5

Даша допила свой кофе и, взглянув на часы, всплеснула руками:

– Матвей, мы ведь проспали! А мне на работу пора!

Матвей счастливо рассмеялся в ответ:

– Даша, Вы представляете, я ни разу не просыпал, а сегодня проспал... тоже, – зачем-то добавил он с растерянной улыбкой.

– Я сейчас приведу себя в порядок, и пойду, – Даша вдруг как-то собралась и стала отчуждённой, – мне потребуется минут пятнадцать.

Матвей молча кивнул.

«Ну и пусть. Размечтался! Просто женщина проявила слабость. Сейчас она соберётся, и станет такой же недостижимой как раньше»

Матвей подумал минуту, а затем решительно пересёк комнату и открыл дверь в свою Тайну.

Он не знал, сколько времени прошло, пока он широкой кистью размахивал по холсту, то, ударяя, то тонким волосом прикасаясь. Отойдя на минуту от мольберта, чтобы увидеть результат на расстоянии, он вдруг почувствовал, что не один в комнате, и резко обернулся. Он забылся! Он привык писать свои холсты в одиночестве, увлёкся, и совсем забыл, что в его

квартире кто-то есть. Сила привычки!

Даша смотрела не на него. Она восхищёнными глазами взираала на холст, и не заметила, что Матвей недоволен её внезапным вторжением. Он давно уже поклялся, что ни одна живая душа не проникнет в его Тайну! Но, увидев восхищённый взгляд Даши, смягчился, а потом смутился. Тут Даша и заметила, что он смотрит на неё.

– Матвей, простите меня за моё вторжение! Но... я не знаю даже, что сказать! Я это увидела, и... не смогла не смотреть! Это просто как... душа... обнаженная душа! Да, «обнаженная душа» – так точнее будет! Капли дождя на снегу – это даже не искусство. Это – философия! Соединение несоединимого. Неназываемое чувство.

Картина была почти закончена, и была, в самом деле, необычной. Матвей увидел этот образ внезапно, будто всплыл перед глазами и так запечатлелся в памяти, что не перенести это на холст – было невозможно. На холсте была снежная равнина, освещённая солнцем – снежный наст, на котором сверкали в солнечных бликах капли дождя. В природе этого не бывает, но Матвею так захотелось передать это видение, и картина ему удалась – слишком велико было его желание воплотить замысел.

Матвей совсем растерялся. Может, это просто такая форма благодарности ночной гостьи? Но что-то заставляло его верить в эти неровно скроенные фразы.

Будто уловив смятение Матвея, Даша сказала:

– Вы думаете, наверное, что я из вежливости так говорю? Я искусствовед, и очень хороший искусствовед. И я знаю толк в изобразительном искусстве. Ваши работы – драгоценные камни!

«Даша – душа» – прозвучало в воздухе где-то, и Матвей повторил это вслух. Даша вздрогнула, взмахнула ресницами, и увидела синие, как озеро Изборска, глаза Матвея. Папины глаза. Родные. Жизнь их обоих ломалась после этих слов. Налаженная, выверенная жизнь разлеталась на тысячу звонких осколков.

Глава 6

У папы были необыкновенные глаза. Когда он смотрел на неё, Дашу, своим тёплым взглядом, его глаза наполнялись ярким синим светом. Будучи уже студенткой, Даша поехала на практику в Изборск, и перед нею с высоты крепости распахнулось ярко-синее озеро. Она расплакалась от нахлынувшего чувства: озеро смотрело на неё папиными глазами. Воспоминание о необыкновенном озере так прочно засело в память, что Даша, много лет спустя, вновь приехала, чтобы посмотреть на синее озеро. Накрапывал дождик, озеро затянула мутная тина, и уже не было того необыкновенного цвета. Даша тогда уехала разочарованная, но после всё равно решила оставить незамутнённым то первое впечатление от озёрной синевы, и то первое сравнение папиных глаз с озером в Изборске.

***

Даша ушла, а Матвей всё пытался прийти в себя, пытался выстроить заново свой привычный мир, но кирпичики бывшего прочного мира разлетались, как детские кубики. Он всё уже давно решил. Он знает, как жить, чтобы никогда больше не было больно. Он взрослый, опытный мужчина, и знает, чем заканчиваются такие бесцеремонные вторжения женщин в его Тайну. Но что-то было теперь иначе. Какая-то дру-

гая совсем была она, Даша...

Ласочка – так она себя называла – появилась в его жизни совершенно случайно. Она ела вишни, позируя перед всеми, будто копируя одноимённую героиню Ромена Роллана.

Познакомились они в гастрономе – вот такая банальность – когда он покупал яйца. Девушка с внешностью набоковской Лолиты и богемными замашками вдруг тронула его за локоть и начала рассказывать ему о его незаурядной внешности русского богатыря. Матвей повёл бровью, и увлёк юную красотку в свою мастерскую. Из яиц красotka пожарила отвратительную яичницу, почему-то отдававшую содой, и имевшую зелёный цвет. Неделью они пили шампанское в постели, в промежутках отдаваясь друг другу с животной страстью (благо, шел дипломный год, и в институте можно было не появляться достаточно долго), а когда закончились деньги, Ласочка по-хозяйски оглядела его картины и заявила:

– Надо продавать!

Матвей замер от неожиданности, а затем покидал нехитрое имущество возлюбленной в сумку, и выставил даму сердца за дверь.

С того дня он поклялся, что ни одну из своих «дам сердца» он не впустит в «святая святых» – своё творчество. И он соблюдал этот, придуманный им, закон, пока Даша не вошла в его мастерскую.

Он испытал от внезапного вторжения какое-то смешанное чувство. Это было недоумение (даже не раздражение – что удивило его) от так легко нарушившегося порядка, и странное чувство, будто в Его Храм вошла Она – та, которой здесь место.

Однажды Матвей решил, что ему во что бы то ни стало следует жениться. Ну, вот такая блажь на него накатила. Милая девочка Аллочка с продовольственного рынка, у которой он покупал иногда продукты, и с которой Матвей пару раз сходил в кино и в ответ получил благодарственный поцелуй, казалось, идеально подходила на роль «хранительницы очага». Матвей решил сделать Аллочке предложение руки и сердца, но, поскольку женитьба представлялась ему достаточно ответственным шагом, он подумал, что это мероприятие нужно обставить как-то по-семейному, и предпочёл представить невесту Анне Ивановне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.